

А.В.Харламенко, Е.Н.Харламенко
(Москва)

ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФОРМАЦИИ КАК СТУПЕНИ СТАНОВЛЕНИЯ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

В истории общественной мысли издавна существуют два принципиально различных подхода к проблеме общения между народами, соответствующие двум противоположным способам теоретического обобщения исторического процесса. Это, с одной стороны, плюралистические концепции, содержащие представление о множестве локальных цивилизаций, проходящих каждая свой путь от зарождения до упадка и гибели изолированно. Этим концепциям чуждо представление о всемирной истории как о едином внутренне взаимосвязанном процессе, а взаимовлияние народов выступает здесь как нечто сугубо внешнее, неорганичное, случайное и чаще всего вредное для них. С другой стороны, это монистические концепции, исходящие из идеи единства исторического процесса и признающие конкретно-исторические общества локального масштаба особенными проявлениями единой сущности. Наибольшей зрелости это направление достигло в марксизме, где выступает как формационная концепция всемирной истории. При этом подходе общение народов закономерно выступает условием развития человечества.

Поступательное расширение международного общения, казалось бы, лишает "цивилизационный" подход всякой основы. Однако он не только жив до сего дня, но и переходит в контрнаступление на позиции формационного подхода. Такое положение нельзя объяснить только внешними причинами политической реакцией, либо стихийным протестом против империалистической экспансии, хотя и то, и другое питает разнообразные концепции национальной и религиозной самобытности. Очевидно, формационный подход оказался в своем нынешнем состоянии недостаточным для объяснения исторической реальности, особенно современной.

Традиция исторического монизма знает не одну концепцию. Французское Просвещение сформулировало представление о моноцентризме исторического прогресса, распространяющегося из своего центра на отсталую периферию. Эти взгляды, воспринятые утопическим социализмом и доведенные до завершения позитивизмом, существуют в наши дни в виде идей вестернизации, "возвращения в мировую цивилизацию" и т.д. Немецкая философия в лице Гердера и Гегеля создала диалектическое отрицание моноцентризма - идею перехода ведущей роли от одних народов к другим, но дополнением этой идеи служит разделение всех народов на "исторические" и "неисторические". То обстоятельство, что, сохранив рациональные зерна обеих этих концепций, марксистская концепция формаций не до конца преодолела их негативные стороны, объясняется отчасти тем, что проблемы масштаба всемирной истории и типа международного общения, логически вытекающие из монистического подхода, оказались на периферии внимания основоположников этой концепции. Подходы к решению этих проблем остались у них на уровне гениальных догадок. С распространением же марксизма ширию догадки эти, как правило, упускались из виду.

Система категорий марксизма подверглась наибольшему упрощению именно в том, что касается международного общения. Так, производственные отношения, с одной стороны, отождествляют с "формами общения", а с другой рассматривают лишь в рамках отдельных стран; все же отношения международного масштаба характеризуют при этом как вторичные, по отношению к внутренним, как будто сам объем "внутреннего" и "внешнего" не меняется по мере интернационализации общественных связей. Производительные же силы сводятся к средствам производства и навыкам их использования, а средства общения остаются в стороне. Отношения производства в узком смысле заслоняют собой относительно самостоятельные (на что, в частности, не раз обращал внимание Ф.Энгельс) отношения обмена.

Методологически такой подход основан на "подведении" конкретного исторического общества под общие

категории, т.е. на превзойденном уже Гегелем понимании общего как сходства, а не взаимосвязи и взаимодействия. Как справедливо подчеркивает проф. В.А.Вазюлин, в этом случае закономерность общественного развития сводится к его одинаковости: чем однообразнее развитие разных стран, тем оно закономернее. С этой точки зрения рабовладение, феодализм и т.д. предстает как сумма стран, в каждой из которых можно отыскать производительные силы, производственные отношения, социальную структуру и надстройку соответствующего типа. Любая эпоха, в том числе переходная, выступает, как рядоположенное существование разных формаций (например, в северных штатах США развивается капитализм, а в южных самостоятельно - рабовладельческий строй). Очевидно, что такой подход оставляет лазейку для отождествления формации с "цивилизацией" и, по существу, для отхода от формационной концепции.

Естественно, в это прокрустово ложе не умещаются многие конкретно-исторические явления. Куда отнести, скажем, многие общества Древнего Востока и доколумбовой Америки, где основная масса трудящихся, а нередко и господствующих была организована по родоплеменному или общинному принципу, но в отличие от первобытнообщинного строя существовала социальная иерархия и государственная власть? Нерешенность этой проблемы, как известно, подвела к дискуссиям об "азиатском способе производства", так ее и не разрешившим. Кроме того, остается невыясненным соотношение формации и социально-экономического уклада вопрос, особенно важный для переходных эпох. Какова, например, формационная характеристика плантационного рабства в Америке и крепостничества в Восточной и Центральной Европе? Формы эксплуатации напоминают рабовладельческие, сословная структура вроде бы феодальная, а социально-экономический уклад в целом входит в систему так называемого первоначального накопления, т.е. становления капитализма. В марксистской литературе преобладает мнение о феодальной, во всяком случае докапиталистической природе этих укладов, что ведет к

далеко идущим выводам как о феодализме, отождествляемом с крепостничеством, так и о капитализме, его возрасте и перспективах. При этом ответственность за социально-экономические проблемы большинства человечества возлагается на докапиталистические формации, а капитализм рассматривается как прогрессивная сила. Логичным будет вывод, что он и сегодня выступает как сила, освобождающая народы Азии, Африки, Латинской Америки и Восточной Европы от "пережитков"- феодальных и всех прочих и приобщающая эти народы к мировой цивилизации.

Наконец, слабости вульгаризированного представления о формациях в полной мере обнаружилось в связи с кризисом раннего социализма. Вопрос о его формационной принадлежности находился в центре не только и не столько научной, сколько идейной борьбы. Какие только ответы на него не предлагались: и первая фаза коммунизма, и переходный к ней период, и госкапитализм, и феодальный социализм, и чуть ли не азиатский способ производства. И во всех случаях это общество рассматривается так, как если бы оно развивалось изолированно, вне связей с другими обществами, на своей собственной основе, раскрывая в условиях соревнования с капитализмом свои формационные возможности. Такие взгляды сначала способствовали завышению представлений о степени зрелости реального социализма и о его влиянии на мировое развитие, а затем помогли создать впечатление принципиального провала социализма и необходимости отказа от него.

Показательно, что весь комплекс представлений о "страновом" масштабе развития исторических процессов - от раннеклассового общества до раннего социализма - служит почвой для неоменьшевистских концепций, сводящих все трудности и неудачи революций XX века к отсталости стран, где они происходили, к неготовности к социализму, преждевременности самих революций и необходимости дожидаться созревания всех предпосылок новой формации в недрах старой. Разумеется, при таком подходе сама реальность революций XX века не полу-

чает иного объяснения, кроме субъективных ошибок и произвола различных лидеров. Таким образом, слабости формационной концепции выступают одной из теоретических причин кризиса мирового коммунистического движения.

В то же время в марксистской науке имеется традиция принципиально иного подхода к роли международного общения в развитии общественно-экономических формаций. Это анализ К.Марксом роли колониализма в первоначальном накоплении; рассмотрение взаимосвязей, отношений производства, распределения и обмена в "Анти-Дюринге"; ленинская концепция империализма; содержащаяся в последних работах В.И.Ленина идея различия исторических путей стран развитых и развивающихся и связанная с ней идея важнейшей революционной роли антиимпериалистического движения в колониях и полуколониях; дальнейшее развитие этих идей в концепции зависимого развития, выдвинутой некоторыми латиноамериканскими марксистами, а также работы ряда советских ученых. Основываясь на этой традиции, мы и предлагаем следующее принципиальное решение проблемы.

После разложения первобытной общины каждая ступень истории является всемирной не только и не столько вследствие сходства характеристик находившихся на ней народов и стран, сколько вследствие общения между ними. С этой позиции можно говорить об определенном масштабе и типе общения, которые и составляют формационный, т.е. наиболее глубокий уровень всемирности истории. Им определяется, между прочим, и содержание понятия "весь мир" для соответствующей эпохи. Первобытному обществу был адекватен масштаб родоплеменной общины. Вполне закономерно, что на многих языках она и называлась "миром", а ее члены "людьми". Территория расселения общины обозначала ее географический масштаб, соответствующий масштабу историческому. Она воспринималась в нерасчлененном единстве с родом-племенем. Соответственно, тип общения определялся естественно сложившимся разделением труда в общине. Такой масштаб и тип общения возникает еще в

процессе выделения первобытных людей из природы. Но уже в эпоху неолита само производство усовершенствованных орудий требует сырья, которое встречается далеко не на каждой общинной территории. И со времени возникновения нефритовых, обсидиановых, а затем и оловянных путей развитие средств труда становится неотделимым от развития средств общения, а над естественно сложившимся разделением труда в общине надстраиваются отношения обмена между общинами. К концу первобытной эпохи складываются "цепные" связи между общинами, охватывающие целые континенты, причем отдаленные друг от друга "звенья" этих "цепей" могут не подозревать о существовании друг друга. Регулярное общение между племенами в формах торговли и войны знаменует разложение первобытно-общинного строя.

На следующем этапе всемирной истории обозначаемом понятием "рабовладельческий строй", масштаб общения расширяется от союза племен до территорий с миллионным населением, вовлекаемых в единую систему хозяйственных связей, политических отношений, письменной культуры. Этой формации присущ и собственный тип международного общения: ойкумена разделяется на цивилизованные метрополии и варварскую периферию, источник рабов и дани. Сами понятия "цивилизация" и "варварство", "метрополия" - античного происхождения. Слово "цивитас", означавшее у римлян городскую общину, было переосмыслено и позднее стало краеугольным камнем цивилизационной концепции. И действительно, группа метрополий с примыкающей к ним варварской периферией образуют территорию, географически и демографически достаточно обширную, чтобы считаться целой цивилизацией, и одновременно достаточно обособленную, чтобы называться цивилизацией самодовлеющей. Предельным масштабом всемирности истории в древности был масштаб региональный, к концу рабовладельческой эпохи он обозначался границами пяти - семи империй.

Но понятие формации уже в эту эпоху не совпадает с понятием господствующего в метрополиях социально-

экономического уклада. Последний в принципе не может быть понят без учета ближней и дальней периферии, которая лишь при поверхностном рассмотрении представляется нетронутым массивом "азиатских" или первобытных отношений. Самая возможность существования такого уклада не в последнюю очередь обуславливалась переливанием в метрополию с этой периферии прибавочного продукта и рабочей силы. Прибавочный (а иногда и необходимый) продукт изымался как военная добыча или дань с покоренных "варваров". Самых варваров первоначально отправляли в метрополии на принудительные работы, позднее возникла работорговля. Все эти способы эксплуатации опосредствовались войной, которая в то время была не только важнейшей частью международных отношений, но и неотъемлемым элементом производственных отношений, отношений распределения, причем не только продукта, но и рабочей силы. С развитием другой формы международного общения - торговли роль войны не уменьшалась, а росла: товарно-денежные отношения еще не могли превратить в товар рабочую силу человека, зато успешно превращали в товар его самого.

Варварская и полуварварская периферия, включенная в эти международные связи, оставалась вроде бы первобытной, но на самом деле развивалась совершенно иначе, чем первобытное общество, существующее на своей собственной основе. На этой периферии возникали социально-экономические уклады, столь же неотъемлемые от первой эксплуататорской формации, сколь неотъемлем от нее метропольный уклад "классического рабовладения". Не учитывая этого, невозможно понять ни генезиса "военной демократии" у варваров, ни их роли в смене рабовладельческого строя феодальным как на Западе, так и на Востоке. Рубежом смены формаций с этой точки зрения предстает не растянувшийся на многие века социально-экономический переворот в метрополиях, а падение прежнего (метропольно-варварского) масштаба и типа международного общения

Феодальное общество возникло в обстановке грандиозных миграций, затронувших практически весь

Старый Свет, то есть в обстановке Великого переселения народов. Продолжением его были, с одной стороны, массовые миграции крестьян на новые земли, с другой - постоянные войны между феодалами за землю и подданных. В этих условиях ведение хозяйства было возможно только в том случае, если целостность экономической единицы обеспечивалась военной силой. Следовательно, военная роль феодала в условиях натурального хозяйства превращалась в роль экономической - сохранение неприкосновенности экономического пространства в рамках феода. Война перестала быть непосредственной частью производственных отношений, превратившись в одно из условий производства, и, соответственно, стала занятием не всех граждан, а преимущественно особого сословия.

В условиях глубокой натурализации хозяйства должна была измениться роль обеих форм международного общения - не только войны, но и торговли. Война, как отмечалось, ведется не ради непосредственного присвоения прибавочного продукта и захвата рабов, а ради земли и подданных, то есть присвоения всей совокупности условий производства и производительных сил. В то же время она опосредствует исчезновение обмена между метрополией и варварами и развитие адекватных натуральному хозяйству связей "по цепочке", несравненно более интенсивных, чем в эпоху разложения первобытно-общинного строя. В то же время масштаб всемирности истории всего за несколько "темных веков" раннего Средневековья гигантски расширился, охватив всю Евразию и значительную часть Африки.

Становление феодального общества носило характер всестороннего синтеза прежних рабовладельческих метрополий - Греции, Рима, Ближнего Востока, Китая, Северной Индии - и их варварской периферии. Бывшая метрополия, имея наиболее развитые товарно-денежные отношения, унаследованные от предыдущей эпохи, служила центром ремесла и торговли и одновременно центром религиозной организации, регулирующей эти отношения в соответствии с потребностями феодализма. Бывшая периферия, где преобладало натуральное хо-

зайство, составляло опору военно-феодальной организации. Оба субрегиона нуждались друг в друге не только из-за обмена продуктами, но прежде всего потому, что лишь совместные действия военной и религиозной организации могли упрочить классовые отношения феодализма. Поэтому на протяжении всего Средневековья существуют региональные религиозно-письменные традиции (католическая, православная, исламская, индуистско-буддистская, конфуцианско-даосская), которые и абсолютизируются цивилизационной концепцией. Преувеличивая, как все идеалисты, роль культурного элемента в истории, сторонники этой концепции представляют регионы этих традиций самодавляющими "цивилизациями", что никак не согласуется с фактами.

Феодализму, пока он развивается на собственной основе, совершенно не свойственно разделение мира на метрополии и зависимые страны. Примерно с V по XIII век степень неравномерности развития Старого Света значительно снизилась по сравнению с древностью. Натуральное хозяйство не нуждается в зависимой периферии, т.к. не создает экономической основы для ее эксплуатации. Несмотря на плаванья скандинавских, китайских и других мореходов, феодализм не распространился на континенты, отдаленные от Евразии океанами, ибо возможностей феодального синтеза со столь отдаленными землями не существовало, а возможность грабежа и обмена стеклянных бус на золото для феодализма не только бесполезна, но и опасна.

Феодализму адекватен континентальный масштаб общения. В XI-XII вв. были достигнуты его пространственные пределы и начало складываться континентальное разделение труда. Одновременно основной формой международного общения начала становиться торговля, а война из средства обеспечения целостности хозяйственного пространства и возможности торговли стала превращаться в средство контроля над уже сложившимися торговыми путями и поднявшимися на них городами. Феодализм стал терять адекватную ему натурально-хозяйственную основу и, соответственно, вновь начала нарастать неравномерность развития стран и регионов.

Эти сдвиги обнаруживаются в создании средневековых империй, в рамках которых активно действует торговый капитал и уже намечаются метропольные центры и эксплуатируемая или зависимая периферия. Так, северо-итальянские и северо-германские города извлекли наибольшую выгоду из крестовых походов и завоеваний Чингизидов. А с середины XIII в. развернулась настоящая генеральная репетиция первоначального накопления. Процессы экспроприации мелких производителей и генезиса мануфактурного производства в новых центрах континентального разделения труда были неразрывно связаны с развитием рабства, работорговли, крепостничества и зачатков колониализма в странах, занявших подчиненное положение в этом разделении труда. Это был двуединный процесс зарождения раннебуржуазного уклада, а также процесс возобновления на новой основе метропольно-периферийного типа международного общения. Противоречия между феодальным и возникающим капиталистическим типом международного общения в континентальном масштабе породили кризис. Но неравномерность развития при феодализме была не столь велика, чтобы даже самые богатые раннебуржуазные центры смогли создать решающее экономическое и военное превосходство над даже самыми отсталыми феодальными странами и действительно превратить их в свою зависимую периферию. Поэтому выход из кризиса на интенсивных путях развития раннебуржуазного уклада в капиталистическую формацию оказался невозможен. Однако оставались возможности экстенсивного выхода, которые и были реализованы Великими географическими открытиями и началом колониальных захватов. Это был выход за пределы феодального мира, новое расширение масштаба всемирной истории.

До этого исторического рубежа развитие Америки, Австралии, Океании, большей части Африки происходило совершенно или почти совершенно изолированно от Евразии, что и обусловило колоссальный разрыв их формационных уровней. Самое интенсивное из всех когда-либо происходивших соприкосновение формаций подняло процессы "первоначального накопления" на

качественно новый уровень и положило начало становлению капитализма как формации, которой адекватен межконтинентальный масштаб и метропольно-зависимый тип международного общения. Не случайно К.Маркс в "Капитале" относил начало капиталистической эры именно к XVI в. С этого времени было покончено с развитием докапиталистических формаций на собственной основе. Используя исторически обусловленный разрыв в уровнях развития между континентами, в частности, через механизм "революции цен"¹ буржуазный уклад добился решающего превосходства над всеми остальными как в Европе, так и в Азии и на других континентах. Доклассовые, раннеклассовые и феодальные отношения быстрыми темпами преобразовались в периферийно-зависимые уклады молодой капиталистической системы: колониально-рабовладельческий и крепостнический.

Единственным средством временной самозащиты от раннекапиталистической экспансии оказалось усиление экономических функций государства, в том числе в форме закрытия страны для внешней торговли, монополизированной западноевропейскими купцами. Так произошло в Японии, Китае, Корее. Это "закрытие" воспрепятствовало до поры, до времени проникновению в них западного капитала, но вовсе не повело к восстановлению на Востоке натурально-хозяйственной основы феодализма. Его результатом явилась своеобразная система регулирования хозяйственной жизни облеченный в полуфеодальные одежды зачаток этатизма, имевший две тенденции - к периферийной форме капитализма и к противодействию зависимости.

Возникновение межконтинентального масштаба и метропольно-зависимого типа международного общения означало начало становления капитализма как формации. В ходе ее становления и развития, ознаменованного

¹ "Революция цен" это резкое падение цен на золото и серебро в связи с притоком благородных металлов из Америки в XVI в. "Революция цен" привела к повышению цен на остальные товары и в значительной степени обесценила традиционную феодальную ренту.

буржуазными революциями в метрополиях и расширением колониальных захватов на периферии, складываются самые разнообразные укладные формы эксплуатации этой периферии. Они могут напоминать различные виды феодализма и даже рабовладения, но по своей сущности являются периферийными укладами капиталистической формации, т.к. входят в систему ее производственных отношений: эти уклады включены в международное капиталистическое разделение труда, связаны с мировым капиталистическим рынком и стоимость, произведенная в их рамках, превращается в капитал, если не на месте, то в метрополиях.

По мере усиления капиталистической эксплуатации возрастает и сопротивление колониальных и полуколониальных стран, причем одной из форм этого сопротивления становится опять-таки этатизм. Необходимо отметить, что и он может принимать феодальные формы, но вовсе не превращается тем самым, как это иногда принято утверждать, в феодальную реакцию, хотя порой и переплетается с ней. Борьба идет вовсе не за возврат к феодальному способу эксплуатации, а за освобождение или хотя бы смягчение капиталистической эксплуатации в формационном масштабе, тогда как в глазах народа она и может выглядеть борьбой за возврат к "старым добрым временам". Уже к XIX веку антизависимый этатизм освобождается от феодальных одежд и выступает в более или менее зрелом виде. Примером могут служить режимы Мухаммеда Али в Египте (1811 - 1838) и Х.Г.Франсии в Парагвае (1814 - 1840). Тенденции к такому этатизму можно уловить и в освободительном движении ряда других стран, в том числе, в движении декабристов в России (самый яркий пример - "Русская правда" П.И.Пестеля). Антизависимый этатизм представляет собой "второй фронт" антикапиталистической борьбы, "первым фронтом" которой выступает рабочее движение в метрополиях.

К концу XIX века межконтинентальный масштаб и метропольно-зависимый тип международного общения достигли пределов своего экстенсивного развития, что представляется нам одним из факторов вступления

капитализма в империалистическую стадию. Экспорт капитала - это уже интенсивный путь развития того же масштаба и типа общения. Сверхэксплуатация зависимых стран стала важнейшей основой стабилизации капитализма, мешающей вызреванию предпосылок новой формации, и в первую очередь - социального носителя пролетарской революции. В метрополиях складывается рабочая аристократия, а в зависимых странах рост рабочего движения происходит при такой структуре социальных противоречий, которая, вообще говоря, неблагоприятна для его коммунистической ориентации, хотя закономерно вызывает антиимпериалистические движения. Уже революционный кризис начала XX века показал, что переход к новой формации невозможен без преодоления метропольно-зависимого типа общения во всемирном масштабе.

В прежние эпохи новый тип общения в значительной степени утверждался экстенсивным расширением масштаба мировой истории, предшествовавшим большинству революций. В нашу эпоху задача преодоления старого типа общения выпадает на долю революционного движения. Ранний социализм XX в., существовавший, главным образом, в странах зависимой периферии капиталистической системы, вынужден был решать задачи преодоления зависимости, что сближает его с антиимпериалистическим движением народов "третьего мира". Задачи эти принципиально не могут быть решены в рамках одной или даже нескольких стран, находящихся в "силовом поле" мирового капитализма и подвергающихся его многообразному воздействию. До их решения невозможно достичь второй, а может быть, и первой фазы коммунизма, так как развитие происходит не на своей собственной основе, а становление собственной основы требует нового типа общения во всемирном масштабе, прежде всего нового разделения труда.

Однако, вопреки мнению либеральных и ультралевых критиков, трансформация раннего социализма в сторону этатизма сама по себе еще не свидетельство поражения революции. В отличие от государственно-монополистического капитализма, антиимпериалистический этатизм

не способствует упрочению капиталистического типа международного разделения труда, а противостоит ему, выступает как его отрицание. Чем последовательнее антиимпериалистический этатизм, тем более он выходит за рамки госкапитализма. Само собой разумеется, что он не может быть научно понят в таких терминах, как "феодальный социализм", "казарменный коммунизм", "тоталитаризм" и т.п. Из ряда разновидностей антиимпериалистического этатизма ранний социализм выделяется наибольшей последовательностью и интернациональной организованностью, превращающей его в зародыш нового типа международного общения.

При невозможности непосредственного начала перехода к бесклассовому обществу ранний социализм необходимо принимает форму этатизма, которому свойственна и капиталистическая тенденция. Эта тенденция чревата его разрушением и усиливается всесторонним воздействием капиталистической системы в "силовом поле" которой находится ранний социализм. Если буржуазные революции не только XVIII - XIX, но и XVI - XVII вв. происходили уже в условиях становления и развития нового масштаба и типа международного общения, позволявшего новому обществу развиваться во все возрастающей степени на собственной формационной основе, то развитие раннего социализма объективно продолжало определяться противоречиями отрицаемой им формации, в том числе соответствующего типа международного общения, а зачатки нового подчинялись пока что главным образом закономерностям социальной революции, а не формационного целого. Отсюда более высокая, по сравнению с буржуазными революциями степень уязвимости ранних социалистических революций. Но свержение власти, порожденной таким революционным процессом, принципиально не может быть

революцией и закономерно выливается в контрреволюционную реставрацию.

Рассмотрение путей развития и смены общественно-экономических формаций позволяет заключить, что масштаб международного общения представляет собой одну из важнейших характеристик системы производительных сил, а его тип системы производственных отношений. Противоречия между производительными силами и производственными отношениями, а так же основной классовый антагонизм любой эксплуататорской формации складываются и разрешаются в масштабе всемирной истории соответствующей эпохи. Масштабом международного общения в каждую эпоху определяется критерий революционности и контрреволюционности тех или иных событий, движений, режимов.

Г.Хавеман
(Германия)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЪЕДИНЕНИЯ РАЗЪЕДИНЕННЫХ НЕМЦЕВ

Я очень рада провести эти дни среди вас, рада еще и потому, что не нужно слушать праздничные умоляющие речи политиков о немецком единстве, которое многие и западные, и восточные немцы примерно в таком же темпе разлюбили, в каком три года назад вдруг полюбили. Я рада, что вместо этого могу участвовать в процессе развивающегося единства научной школы, горизонт которой с самого начала был мировым, как в отношении пространства, так и времени (в отличие от горизонта "архитекторов" и "строителей" немецкого единства). Я подчеркиваю это и потому, что для почитаемых немецких авторитетов в области социологии, мир вне Германии и Европейского сообщества, как мне кажется, вообще не существует или, по крайней мере, оказывается маргинальной для теории величиной. Разумеется, они затрагивают те процессы, которые сегодня наблюдаются в наших странах: спад производства и разрушение народных хозяйств, рост националистических